Вторую неделю снятся эти сны. Каждую ночь. Яркие и напряженные, приходится решать какой-то ребус, искать выход – или вход.

Все объясняется довольно просто.

Пару недель назад через полмира мы с женой отправились в премиальную поездку в Сеул. Так решили читатели короткого списка премии «Ясная поляна», им понравился герой «Песни тунгуса» эвенк Мишка Мальчакитов.

Судьба не жаловала Мишку. В Байкале утонули его родители, он жил с бабкой и дядькой в заповеднике, не смог учиться в Иркутске и однажды на зимние каникулы сбежал оттуда, побывав на родном острове Ольхон и встретив там эвенкийскую девушку Лиду, умеющую хорошо рисовать. В армии ему служилось тяжело, допекали старослужащие, и вообще, каково это лесному человеку ходить строем, учить устав, отдавать честь... Вернувшись из армии в заповедник, Мишка на радостях запил. Хороша огненная вода, как шаманское камлание дарит свободу и удивительные путешествия! Только все это было обманом. И пьяного Мишку обвинили в поджоге дома с телестанцией да и упекли в кутузку. Мишка протрезвел, послушал следователя и понял, что не отвертеться, да при удобном случае бежал в чем был – и добрался до заповедника, скрывался в зимовье. Голодал. И тут-то ему стали являться персонажи родного мира – мира его прабабки, шаманки Шемагирки. Это была классическая ситуация призвания шамана. На поимку беглеца отправился целый отряд из милицейских ребят, лесников. И так вышло, что Мишку подстрелили – ранили в голову. «Труп» положили до утра возле зимовья. Рано утром глянули – Мишки и след простыл. Так начались блуждания Мишки между жизнью и смертью. В конце концов был Мишка схвачен и препровожден в республиканскую клинику, дело-то происходило в республике Бурятия. Там ему сделали операцию, вставили металлическую космическую пластинку в череп. И стала голова Мишки как вселенский бубен. Солнце ударит – и все песнью звучит, песнью тунгуса. О чем эта песнь?

Вот в книге и речь об этой песне. Мишка в самолете летел, когда впервые солнце в бубен застучало.

...И посреди ночи, а точнее уже на ее исходе, я очнулся в самолете, глянул на монитор, прикрепленный к спинке сиденья впереди, и увидел, что самолет мимо Байкала пролетает. Но куда же летит? В Корею, в страну дальневосточных созерцателей... Не очередная ли это песнь байкальского жителя? Песнь странствий...

Тунгусами в большом городе мы и чувствовали себя в Сеуле. Мегаполис нас ошеломил. Стремительная автострада с длинными мостами над проливом Желтого моря, колонны высотных домов по берегам, трубы, горы, – и вот уже гид Кристина везет нас по широким улицам Сеула.

Кристина, большеглазая кореянка, прекрасно говорит по-русски. Родилась она в Узбекистане. Когда-то корейцы переселялись на русский Дальний Восток, потом – от греха подальше, как считали власти, – их отправляли в Среднюю Азию. Кристина вышла замуж за корейца, родила троих детей, и вот живет здесь, не в самом Сеуле, а в городе-спутнике Инчхоне. Все ей здесь нравится, кроме воздуха. Зачастую все накрывает смог. Тяжелые промышленные туманы приходят и из Китая. То и дело власти

предупреждают о нежелательности прогулок с детьми. Многие носят защитные маски. Но от чего они могут защитить?

Мне хотелось сказать нашему гиду, что у нее то же имя, что и у главной героини «Песни тунгуса»... Но вдруг выяснилось, что Кристина вообще не знает ничего ни о «Ясной поляне», ни о том, за что корпорация «Самсунг» пожаловала эту поездку. И я предпочел промолчать. И вообще, нам совсем не хотелось ничего говорить, а только слушать нашего гида. А рассказывать она умеет. Мы многое узнали от нее о Корее.

Но нам хотелось и самим все увидеть, почувствовать вкус корейской жизни.

И, наверное, нам удалось кое-что распробовать за этот смехотворно маленький срок – неделю. Ну если до сих пор снятся корейские лабиринты, а разговоры наши за чаем у кухонного окна в зиму с березами и тополями, воронами все о Корее, о главном ее городе, каком-то компактном в сознании, но невиданно обширном на самом деле: число жителей Сеула и прилегающих к нему мест доходит до 30 миллионов. Это какой-то бесконечный город, достигающий Западного моря, как называют корейцы Желтое море.

Чувство компактности возникает от гор. Сеул на горах, как Смоленск или Москва на холмах. Но про Москву – это явное преувеличение. Это сразу понимаешь, гуляя по прямым ровным улицам после крутых сеульских переулков, спусков-подъемов. В Сеуле мне иногда вспоминались улочки Кабула и Газни.

Эти кривые улицы – настоящая находка для любителя пеших прогулок. Разбираться в этом хитросплетении одно удовольствие. И все время не устаешь удивляться чистоте тротуаров и причудливым видам жилья – то одноэтажного, с черепичной крышей и телевизионными тарелками антенн, то двухэтажным особнякам, чьи окна буквально на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Справедливости ради надо заметить, что при всей чистоте забористые запахи то и дело шибают в нос, как на нашей улочке Красный ручей в Смоленске. На Красном ручье в ответ на «фи» жены, я говорил что-то насчет средневекового времени, в которое и уводит эта улочка, мощенная камнем. Пришлось вспомнить ту же сентенцию и в Сеуле. Похоже, канализационные трубы здесь находятся слишком близко к поверхности, и канализационные колодцы не так глубоки. Впрочем, это было не повсеместно.

Кривые улочки могут вывести к кафе, к старой крепостной стене, к христианскому храму – или к тибетскому. Или к древнейшему в мире университету Сонгюнгван.

Да, сначала мы заглянули в кафе. Голод на этих прогулках разыгрывался просто зверский. Хотелось навернуть картошечки с котлетой или на худой конец яичницы с салом и луком. Увы, сделать это не так просто. Мы же были абсолютно безъязыки, что по-своему интересно и сулит приключение. Реплики из русско-корейского разговорника сеульцев оставляли совершенно равнодушными. Моего школьного английского хватало на Монмартре или на рынке в Газни, но не в Сеуле. В кафе сидела компания ребят, они ничем не могли помочь. А работницы кафе и их подруги изо всех сил хотели нас попотчевать. Жесты, улыбки... Но одна из кореянок достала смартфон и, выяснив, что мы из России, отыскала словарь. На нашем смартфоне такого словаря не было. И в конце концов на столе появились две чашки кофе с молоком и какие-то замысловатые кушания, отдаленно напоминающие картошку и почему-то сыр, сдобренные специями, подливой... Нина это есть не смогла, да и молоко она вообще не употребляет, так что с угощением пришлось героически бороться мне, сохраняя при этом довольное выражение лица. Правда, две чашки кофе я осушил с большим удовольствием. Денег добрые кореянки брать не хотели. В смартфоне они выудили такое изречение: «не по обязанности, а по службе». Наверное – «не в службу, а в дружбу».

– Камса хамсин, добрые корейские тетушки!

Что значит: спасибо, – если разговорник не врет.

Нас провожали взмахами рук и улыбками.

Вечерело. Мы попытались сориентироваться по карте, но, как потом нас просветила дочка, забыли включить кнопку GPS. А зашли мы куда-то в самую глубь Сеула сначала по крепостной стене от врат, называемых так: Врата, открывающие путь к пониманию; а потом по кривым и горбатым улочкам.

Да, стена нам была особенно интересна. Ведь главная достопримечательность Смоленска – крепостная годуновская стена. А что у корейцев за стена? Ее протяженность была – 18 км (Смоленская – 6,5 км); высота – семь метров (наша – 13–19 с зубцами, ну, а башни и того выше, от 22 м до 33). Строить ее начал король, основавший династию Чосон в конце XIV века. У крепости должны были быть восемь врат: четыре главные и четыре второстепенные. Примечательно, что во время восстановления крепости в начале XVIII века за каменные блоки отвечали конкретные рабочие и их начальники, их имена и до сих пор можно найти на этих камнях, – и если тот или иной участок стены обрушивался, то строителей судили по законам военного времени. Не тогда ли и были заложены основы так называемого экономического чуда Кореи, случившегося во второй половине двадцатого столетия?

Ворота этой крепости, конечно, впечатляют. И виды, открывающиеся сверху, захватывающие. Ведь стена идет от горы к горе, и путники восходят все выше. С внутренней стороны высота крепости мала, можно спрыгнуть и быстро вернуться к бойницам. Сверху установлены гранитные блоки уже более позднего времени, а вот внизу камни той, средневековой кладки. Смоленская крепость, конечно, величественней. А вот состояние ее вызывает досаду, а теперь и стыд. Корейцы свою крепость лелеют, ибо патриоты на деле, а не на словах в голубом ящике. Сколько щеки ни раздувай, а крепость не слушается, разрушается, ветшает, не говоря уж о том, что никуда не исчезают помойки из ее башен. В лучшей башне Веселухе-Орле груда сгоревших бревен, пивных банок и прочей дряни. Кстати, горели и врата сеульской крепости. Сокровище номер один столицы – врата Намдэмун, или Великие южные врата (надо это усвоить – врата – сокровище, а не досадный объект из дерева и камней, доставшийся от предков, присматривай теперь, реставрируй, трать деньги), в 2008 году загорелись. И деревянная часть сгорела напрочь, хотя пожарные и старались погасить огонь безумца, какого-то старика, обидевшегося на маленькую компенсацию от застройщика за использование его земли. Разлил на втором этаже растворитель, щелкнул зажигалкой… Как тут не вспомнить такой же финал романа «Золотой храм» Мисимы. Геростраты не переводятся на белом свете. Кстати, уж не такой ли безумец спалил у нас и отреставрированную крышу и перекрытия внутри башни Веселухи-Орла? Только никого ведь не нашли, он так и остался безымянным. А старика корейца взяли. Оказалось, он уже не первый раз примеривает плащ Герострата, двумя годами ранее поджег дворец, что числится в реестре мирового наследия. Тогда пожар загасили, но часть здания была уничтожена. Старик получил условный срок… Власти не обращали внимания на его жалобы. Ясное дело, чиновники они и в Корее чиновники… Да-а, тут и другой персонаж приходит на ум – американец, разнесший на своем бульдозере строения обидчика-застройщика, – его опыт перенес на русскую почву Звягинцев в «Левиафане». Но хватит ассоциаций! Это уже явно мешает заявлению по существу: Сеул потратил двадцать с лишним миллионов долларов, чтобы восстановить сокровище номер один. Решили – и сделали.

Что стало со стариком, неизвестно. Может, Ким Ки Дук снимет когда-нибудь про него фильм. Он же не сразу поджег врата, долго обдумывал, ходил вокруг да около, хотел устроить поджог метро или поезда, или автобуса, но «пощадил» невинных людей.

Со стены во время нашей прогулки мы увидели сказочное древо, увешанное желтыми плодами. Хурма! Захотелось подойти поближе. Спустились, жена присела на скамейку, а я отправился с фотоаппаратом к древу. Пришлось попетлять по улочкам. И некое строение, обнесенное стеной, преградило путь. Да вроде вход открыт. Вошел и попал в тибетский буддийский храм. Осмотрел маленький каменный дворик, павильоны. В буддийском храме я был впервые, хотя читал порядочно книг о буддизме, полюбил «Лотосовую сутру». Но тут оробел, уж слишком там тесно; и, не входя внутрь, заспешил я прочь. Но на выходе меня окликнула молодая женщина в сером буддийском одеянии, с улыбкой вручила что-то. Позже рассмотрел: крошечная подушечка с двумя вышитыми цветками, вроде, розами. Отлично, подарю дочке Насте. Выбираясь из лабиринта дворов и домиков, оглянулся и снова увидел роскошное древо хурмы. А в храме так и не смог к нему приблизиться и сфотографировать. Тут впору сочинить какую-нибудь дзэнскую притчу. Ну, короче, близок локоть, да не укусишь.

И вот мы оставили позади эту стену с вратами, переулки, кафе с добрыми сеульскими женщинами, и никак не могли сообразить, где же находимся.

Спрашивать – бесполезно.

Ну и двинулись, как говорится, куда глаза глядят – и вскоре вышли к обнесенному каменной стеной комплексу старинных зданий. Сначала увидели выразительные старые деревья, а потом и черепичные крыши с загнутыми на краях коньками.

И это был древнейший в мире университет – конфуцианская школа, основанная в 1398 году! Называется так: Сонгюнгван. Бродить по его дворикам и деревянным галереям было настоящим наслаждением. Сейчас существует и современный университет с тем же названием, один из престижных в Корее.

Южная Корея по коэффициенту интеллекта среднего жителя занимает второе место в мире после Гонконга. Уж не потому ли многие корейцы носят очки? В Сонгюнгване удалось сфотографировать учеников, что-то разучивающих под руководством учителя, так вот, из семи школьников только у одного не было очков.

И только здесь мы и увидели столько детей. На улицах и во дворах они нам просто не встречались вообще. Это занимало нас. Потом узнали, что у корейских детей нет свободного времени, как у наших – для бегания по улицам, прогулок в компаниях. С утра до позднего времени они учатся, делают в школе уроки, занимаются в различных кружках и секциях. Учатся в школе до девятнадцати – двадцати лет. Потом поступают в университеты, служат почти два года в армии.

«В древности люди учились для того, чтобы совершенствовать себя. Нынче учатся для того, чтобы удивить других», – говорил Конфуций. Но, наверное, корейцы все же совершенствуют себя – и удивляют других.

Еще в начале шестидесятых годов Южная Корея была отсталой сельскохозяйственной страной. Люди прозябали с горсткой риса в лачугах. Говорят, не было домов выше третьего этажа. А сейчас – Сеул запросто мог бы снимать Тарковский как город будущего. Известно, что для «Соляриса» он проводил съемку в Токио. Уже к восьмидесятым годам страна стала основным конкурентом США, Японии в производстве автомобилей, телевизоров, видеомагнитофонов, компьютеров, стали, полупроводников. Сейчас треть судов, спускаемых на воду во всем мире, – южнокорейские. Уровень жизни корейцев высок. Это мы и сами теперь видим.

Свою роль здесь, конечно же, сыграло и конфуцианство. Главные конфуцианские скрепы: преданность, доверие, сыновья почтительность, доброжелательность.

Да, да, можем подтвердить, корейцы в Сеуле весьма доброжелательны. Сеульское метро поначалу повергло нас в смятение. Ничего не понятно! Схемы многоуровневых станций с иероглифами, отсутствие касс с живой кассиршей, которой хотя бы и знаками можно что-то объяснить, длинные – иногда до полукилометра – переходы... Мы уже готовы были ретироваться из этого лабиринта, как вдруг к нам обратилась молодая женщина, кореянка, говорившая по-английски; узнав, куда нам надо, помогла купить два билета и довела до станции посадки. То же самое происходило и потом. На помощь приходили мужчины, женщины, пока уже мы и сами не освоились – да так, что, вернувшись в Москву и доехав на экспрессе до станции Окружной, долго не могли сообразить, как выйти и как перейти на нужную линию метро, с изумлением вспоминая четкое и умное метро в Сеуле. Разумеется, никто из москвичей и не подумал предложить нам помощь. Еще чего!.. Кумекайте-маракуйте сами.

Но стоп, мы где еще? Где-то в Сеуле, на улице, сияющей огнями, полной воскресных пешеходов, в основном молодых. Уже темно. Мы голодны, ноги гудят.

Вот кафе. Зайдем. Заказываем горячий кофе без молока, покупаем булки. И кофе нам подают... Первая мысль: о, что это, виски? Стаканы полны льда. Колотого льда. Для верности дотрагиваемся до стекла, – точно, кончики пальцев обжигает холод. Но это кофе, а не виски. В промозглый этот вечер я бы и не отказался от второго. Нет, кофе. Просто нас не поняли. Просили горячий – подали ледяной.

Ну да, корейцы холодостойкие люди. Головные уборы надевают только старики, да и то не все. А так все щеголяют с непокрытой головой, зачастую в одном пиджачке. И как только в толпе мы замечали вязаные шапки, знали – турист, северянин, как и мы. Сближались и видели: угадали.

А корейцы даже после снегопада, выпавшего в нашу первую ночь в Сеуле, сверкали полоской голых ног в кроссовках и чернели непокрытыми головами на улицах, шли в куртках нараспашку.

Этот заснеженный день был как подарок почитателю дальневосточной живописи и поэзии. Корейский поэт в цикле «Времена года рыбака» писал о зиме так:

Минувшей ночью землю снег покрыл,
И все окрестности преобразились,
Отчаливай, отчаливай, рыбак!

Передо мной – блестящее стекло,
За мной – ступени гор из белой яшмы!
И – раз! И – два! Греби, греби, весло!..

Где я? Быть может, у престола Будды?
Быть может, это – некий мир иной?

Да уж, так и нам казалось, когда мы с Ниной дошагали от гостиницы до Арки Независимости и, повинуясь неодолимому зову гор и леса, полезли вверх. Мишка Мальчакитов наверняка так и поступил бы. Да и другие герои «Песни тунгуса», лесник Шустов и его спутница Кристина. Собственно говоря, в известном смысле мы и были ими. И временами чувствовали себя персонажами какой-то новой книги.

Среди заснеженных деревьев, сосен, кленов с мелкой ярко-карминной листвой, мы поднимались по серпантину ловко устроенных деревянных помостов с деревянными перилами, а то и просто вырубленных в скале ступеней и веревочных перил, – вверх и вверх, любуясь открывающимися видами соседних гор и города с его высотными домами-ульями, вышками, дорогами. Фотографируя местных птиц в снежных ветвях и на скалах. Вверх и вниз шли паломники субботнего дня, корейцы, китайцы, иногда, как

будто и японцы, отличавшиеся друг от друга лицами, голосами. Но все как один были в походной одежде, с рюкзачками, в кроссовках. И на нас посматривали вопросительно – на рыжую Нину с сумочкой, на меня в остроносых штиблетах и с зонтом. Наконец один из них не выдержал и обратился к нам, указывая на мои штиблеты. Мы так поняли, что его весьма удивила наша обувка, и он сказал, что здесь так никто не ходит.

– Ничего, дойдем, – ответила Нина.

– До-й-дё-о-м, – эхом по-русски отозвался он и уточнил, откуда мы.

Мы сказали.

Он взмахнул руками.

– О! Ноу проблем! Ноу проблем!

И, засмеявшись, пошел вверх. Мы – за ним. Конечно, ноу проблем, дойдем.

И дошли. Некоторые ходоки наверху оглашали окрестности радостными воплями. Мы молчали. Озирали городские дали. Солнце то и дело пыхало, отражаясь в окнах домов внизу, играя зеленым огнем в кронах сосен, слизывая горячими языками снег. Пока поднимались, думали, что мы на окраине Сеула, но отсюда увидели, что и за нашей горой Сеул, бескрайний город-улей.

«Однажды я сидел у южных ворот города Намхасан и смотрел на север, на столицу. Она была похожа на цветок в воде или на луну в зеркале. Кто-то сказал:

Свежий ветер веет в пустоте –

Это не что иное, как благородные высоты духа!

Благородная высота духа свойственна государю. У нашей столицы затаенная мощь сидящего тигра или свернувшегося кольцом дракона, которому десять тысяч лет. Горам ее присуща светлая духовная сила...», – писал в «Китайском дневнике» Пак Чивон, известный корейский писатель, живший в восемнадцатом веке.

С этой вершины *светлой духовной силы* мы послали привет на нашу гору на Байкале, гору Бедного света, где мы жили в зимовье много зим и лет назад, осматривали с деревянной вышки тайгу, сторожили пожары, собирали ягоды, варили уху. Но главный наш улов был такой же, как у рыбака из цикла того поэта:

На лов иду – туман гружу рассветный,
Домой плыву я – лунный свет везу.

Звали поэта Юн Сондо, он родился здесь, в Сеуле, в шестнадцатом веке. Один из псевдонимов у него был такой: Старик моря. Ахматова его переводила и заметила, что ей эта поэзия напомнила «Старика и море» Хемингуэя.

У Старика моря было беззаботное детство, его воспитывал отец-чиновник и дядя, он учился в буддийском монастыре. Сдал экзамены и сам вступил на стезю чиновничью, да разве может поэт быть успешным госслужащим? То и дело его отправляли в ссылку, как русского собрата, тоже писавшего про парус рыбаря. И большую часть жизни Юн Сондо провел в деревенской глуши...

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.
Я твой: я променял порочный двор цирцей...

Зато неудавшийся чиновник стал классиком корейской литературы, непревзойденным мастером сиджо, сиречь корейского хокку. Его стихи я читал не специально для поездки или после нее. Давно в одной из командировок по райцентрам Смоленщины приобрел в захолустном магазинчике «Светлый источник» сборник поэзии средневековья Китая, Кореи и Вьетнама. А еще добротный томик корейской классической прозы «История цветов». Этот томик я отыскал на полке и перечитывал перед поездкой, а потом и в самолете на высоте 10000 километров.

Хотя поэзия и классическая проза и так дарят нам даль и высоту времени.

Особенно мне понравились рассказы в жанре пхэсоль Со Кочжона, Сон Хёна. Пхэсоль – это малая форма прозы. Считалась пустыми словесами, ну, то есть простой болтовней. Незатейливые рассказы покоряют своей безыскусственностью и читаются как документальные свидетельства эпохи. Это то, к чему стремился Лев Толстой, взявшийся сочинять для простого народа, как говорится. Неизвестно, правда, читал ли он пхэсоль. А вот Конфуция любил.

«От царя и до последнего мужика одна обязанность для всех: исполнять и улучшать самого себя, иначе сказать – самоусовершенствование. Это – основание, на котором строится все здание улучшения людей», – так пересказывал он учение великого китайца, имевшее и имеющее большое значение для корейского самосознания.

«Не может того быть, чтобы здание было в порядке, когда основание, на котором оно стоит, в расстройстве» – снова Толстой.

Основание Сеула кажется весьма прочным. Таковым оно представилось в первые дни знакомства с городом, и в последующие дни наших неутомимых хождений по городу с жадно открытыми глазами впечатление это только упрочивалось.

Коротко говоря, Сеул – это мрамор и гранит, черепичные крыши и сосны, многоэтажные станции метро – вниз, и многоэтажные дома – к небу, горы и средневековые врата и, конечно, умные, сосредоточенные лица жителей, мгновенно расцветающие вниманием, улыбкой в ответ на вопрос или улыбку.

Особенно нас увлекло чувство природы корейцев. Это сказывается во всем. Столетия созерцательной практики мудрецов, поэтов, живописцев не могли пройти даром. Достаточно взглянуть, как возле какого-нибудь небоскреба растет всего одно дерево, чтобы понять это. Деревьев в Сеуле, наверное, не так много, как в Москве, например. Но они как-то растут по-другому, словно и не растут сами по себе, а вписаны в пейзаж рукой художника. Деревья сеульцы любят. В снегопад сбивают с крон тяжелые мокрые шапки. На зиму обворачивают стволы защитными щитками из соломы, подпирают палками. А древние деревья скрепляют специальным раствором, чтобы они не развалились. Обрубленных варварски крон работниками горзеленхоза, как в Смоленске, мы ни разу не видели. Хотя кроны сосен там формируют, потому-то они и выглядят столь причудливо. И да, в Сеуле много сосен. Так что зимой взгляд радует древесная зелень, а не торчат голые сучья повсюду. Нам, видимо, не легко отправить мужиков горзеленхоза в наши густые леса за соснами или вообще выращивать их в питомнике и потом высаживать. Смотрю сейчас из моего окна и вижу сплошь голые кроны тополей, берез, осин, растущих беспорядочно, то есть все эти деревья никто не высаживал, самосеянцы. И ни одной зеленой кроны, ни веточки.

А говорят, Собянин, мэр Москвы, ездил в Сеул перенимать опыт. Первая мысль: неужели парк Зарядье он увидел в Сеуле? В Сеуле тоже много камней, идешь под мостом и вдруг натыкаешься на разноцветную гальку, валуны, канаты...

Да нет, Зарядье спроектировали американцы. И там представлены, как пишут, природные зоны России: тундра, степь, лес и болото. Да? А выглядит все, как стыренный сад камней, короче – полная несуразица.

А ведь опыт корейцев довольно очевиден и даже банален: бережное отношение к природе и традициям.

О Конфуции сказано в книге его речений «Лунь юй»: «Учитель удил рыбу, но не пользовался сетью; охотясь, с привязанной стрелой, не бил сидящих птиц». Экологически сильный завет.

И корейцы по возможности следуют ему. Вот, к примеру, удивительное деяние: очистка ручья Чхонгечхон от... дороги. Ручей про-

текал в центре Сеула. Длина его была восемь километров. Короли то и дело занимались его благоустройством, начиная с пятнадцатого века. Его углубляли, укрепляли камнем берега, строили мосты, высаживали ивы. А уже в наше время заключили в трубу, и в семидесятых годах построили сверху автомобильную эстакаду. Да вдруг спохватились, затосковали по ручью, живой жилке своего древнего города, – и что вы думаете? Снесли отличную эстакаду, по которой сновали быстрые автомобили. Потратили почти триста миллионов долларов на восстановление ручья, старых мостов, строительство новых. И вот ручей – *течет ручей, бежит ручей*, как поет наша землячка. Течет, переливаясь в свете фонарей, в общем, и не ручей, а небольшая речка, наполняя окрестные улицы свежестью, запахом зелени. По берегам разные арт-объекты, картины сеульских художников. Бродить там довольно занятно, глазея на все это... Вскинуть голову – и над высотными домами и светящимися прямоугольниками рекламы узреть луну.

Когда Ли Бо навеки нас оставил,
Так пусто стало среди гор и рек!

И только в синей высоте небесной,
Как встарь, висит полночная луна.

Эй ты, луна! Пускай Ли Бо не стало,
Но я-то здесь – не покидай меня!

Луну эту, о которой писал в семнадцатом веке Ли Джонво, мы и видели над Сеулом. Она была хороша, как может быть хороша только дальневосточная луна.

И снова встретились с ней в просторных залах Национального музея Кореи – на свитках корейских и китайских живописцев и седьмого, и десятого, и восемнадцатого веков. И не только с ней, разумеется. Там было и солнце, были рыбаки, цветы, мудрецы. Музей бесплатный, между прочим, как и некоторые дворцы Сеула. Искусство здесь действительно принадлежит народу. Музей находится в парке. Там всюду мрамор и гранит, сосны, и неожиданные березы с табличками, пруд с беседкой, спокойствие и чистота. А на подходе к музею нам повстречался увлеченный сеулец, он пытливо фотографировал у бетонного забора и дороги цветы. А я сфотографировал его, и сеулец, разумеется, нам улыбнулся. Хотелось с ним потолковать. Что-то в его улыбке было безмятежно-блаженное. Интуиция нам подсказывала: свой, лесной человек. Но мы только слегка поклонились друг другу и разошлись.

Ландшафтное пиршество нас ожидало во дворцах, Чхандоккуне и Кёнбоккуне, построенных в конце четырнадцатого и начале пятнадцатого веков. Здесь искрились мириады сосновых игл на солнце, рдели плоды барбариса, зеленели ветви ив, горели карминные звезды кленов. Во дворцах – а это комплексы с деревянными павильонами и беседками в парках – было полно народу, но можно было легко оказаться в глухом дворике, где никого нет. Дворцы для двоих. Павильон посреди озера стоит на сорока восьми гранитных колоннах, – в нем раньше проходили моления о дожде. Можно было заглянуть в Тронный зал, где свершались различные церемонии. Ступить на самый старый мост Сеула образца 1411 года. Войти в оранжерею, наполненную пряными и терпкими ароматами цветов, различных растений, цветущих деревьев. Обойти павильон создания корейской письменности. Ведь корейцы долгое время пользовались китайскими иероглифами, пока в пятнадцатом веке не создали свою письменность.

Чхандоккун – дворец, как бы сказать, более слитый с природой. Он находится вблизи горы Пик Орла, и дорожки среди деревьев то и дело ведут вверх, стены врезаются в склоны. Бродить там можно бесконечно, находя укромные беседки, китайскую стелу седьмого века в виде пагоды, гранитную черепаху, обелиски, покрытые иероглифами,

или даже целую обсерваторию, представляющую собой такую по форме «трибуну» из гранитных блоков. Подняться на нее нельзя, но вообразить, как королевский звездочет делал это вместо тебя, очень легко. Да если еще призвать на помощь стихи национального поэта Чон Чхоля:

Восходит Звезда Рассвета.
Лотос цветы раскрывает.
И все, что меня окружает,
Подарено Небом мне...

Он служил в королевском секретариате и вполне мог бродить по этим дорожкам и подниматься на эту гранитную «трибуну» в шестнадцатом веке.

...А мы за Звездой Рассвета как будто и летели. Самолет поднялся в небо после обеда, пролетел над заливами Желтого моря и потянул на северо-запад. И под крылом проплывали заснеженные вершины Китая. Мы все-таки увидели Поднебесную. А потом потянулись степи Монголии, которыми хаживал земляк Пржевальский. Быстро вечерело, но мы еще успели достичь Байкала при свете. Жаль! Но Байкал был сокрыт облаками. Но все-таки это была не обычная облачная пелена. В облаках видна была гигантская впадина. Края ее как бы кипели. Это восходило дыхание сибирского моря, еще не смирившегося подо льдом. О нем когда-то Мишка Мальчакитов пел:

О-хо! О-эй! Ламу! Ламу Байкал!
К твоим стопам я припадаю.
Тысячу лет позади. Такая дорога.
Годы и степи, жара и снег...

Ламу – значит море. И сквозь гул моторов доносилось его молчание. Мы буквально видели это восходящее молчание великого родника Азии, в котором на самом деле звучали многие песни – древние и уже новые. И сердца наши преисполнялись благодарности чистому морю.

А самолет нагонял тьму, и внизу горели огоньки селений, городов, а то и совсем одинокий был виден огонь, кто знает, может, охотника в тайге на склоне горы, ушедшего на промысел. И этот полет был точно как сон. Вокруг простирался Вечер Западной Сибири сине-свинцового цвета. А где-то после Урала вдруг на облаках появились волны – алые волны света. Мы нагоняли свет, день, уходящий все дальше на север. Позади, в Сеуле уже царила ночь. Алые волны все густели, и уже скоро окоем неба пылал ноябрьским раскаленным багрецом.

Сколько тайги и гор! Это – великая географическая поэма, родина. И чтобы свежо прочесть ее, надо временами отправляться за чужими снами.